

НЕИЗВЕСТНЫЙ
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
БАВИЛОВ

Штрихи к портрету

НАУКА
— 1727 —

Валентина Березанская

**Неизвестный Сергей Иванович
Вавилов. Штрихи к портрету**

«Наука»

2026

УДК 54
ББК 24

Березанская В. М.

Неизвестный Сергей Иванович Вавилов. Штрихи к портрету /
В. М. Березанская — «Наука», 2026

ISBN 978-5-02-041685-7

В 2026 году исполняется 135 лет со дня рождения академика С. И. Вавилова, основателя и директора ФИАН им. П. Н. Лебедева (с 1991 года – Физический институт им. П. Н. Лебедева РАН). Книга посвящена малоизвестным страницам его жизни и содержит воспоминания родственников и коллег о личности и научной деятельности ученого, редкие фотографии и архивные документы. Существенная часть материалов публикуется впервые. Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки.

УДК 54
ББК 24

ISBN 978-5-02-041685-7

© Березанская В. М., 2026
© Наука, 2026

Содержание

Предисловие от редакции	6
Предисловие автора-составителя	7
Березанская В. М.	9
Введение	9
«Школа настоящей культуры». 1908–1914 гг	14
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валентина Михайловна Березанская
Неизвестный Сергей Иванович
Вавилов. Штрихи к портрету

© В. М. Березанская, 2026

© ФГБУ «Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2026

* * *

Предисловие от редакции

Роль Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951) в развитии науки сложно переоценить, а его личность неизменно вызывает интерес и даже удивление: выдающийся ученый-физик нобелевского уровня, основатель школы физической оптики в СССР, крупнейший специалист по истории и методологии науки, талантливый организатор и государственный деятель. Новые архивные материалы, труды историков, воспоминания близких и коллег позволяют обнаружить в казалось бы известном человеке новые грани и обогатить представления о нем и событиях его времени.

Книга открывается главой, в которой Сергей Иванович Вавилов предстает перед читателем молодым человеком, только начинающим свой путь в науке и жизни. Неопубликованные ранее письма другу и открытки из путешествий, фрагменты его дневников дают возможность прикоснуться к процессу рождения незаурядной личности, проследить путь формирования базовых ценностей и поиска жизненных смыслов. Путешествия, книги, тяготы военных лет, общение с разными людьми – всё это сделало Вавилова таким, каким его знали, любили и уважали.

В воспоминаниях родственников и коллег много тепла и благодарности к Сергею Ивановичу, «дяде Серёже». Авторы обращают особое внимание на его равнодушие и отзывчивость, умение, можно сказать, талант, помогать и словом, и делом, с искренней добротой и удивительным тактом. «В Сергее Ивановиче было заложено – помощь человеку» – пишет в своих воспоминаниях коллега Вавилова Н. Л. Тимофеева, познакомившаяся с ним ещё будучи маленькой девочкой и имевшая возможность наблюдать жизнь и работу ученого до его последних дней.

Отдельная глава посвящена исследовательской работе Вавилова совместно с аспирантами Физического института Академии наук СССР, директором которого он был назначен. Открытие, полученное в ходе лабораторных экспериментов, было названо по фамилии ученика, проводившего исследование, эффектом Черенкова. Под таким названием оно известно в мире, но в нашей стране так и осталось принятым говорить «эффект Вавилова – Черенкова». Это дань не только научному, но и чуткому человеческому руководству Вавилова молодыми учеными.

Если открытие эффекта Вавилова – Черенкова давно получило мировую известность, то руководство Сергея Ивановича оптическими оборонными работами много лет хранилось в тайне и создало пробел в его биографии. В книге представлены воспоминания В. И. Красовского, заведующего лабораторией Всесоюзного электротехнического института, о создании прибора ночного видения в годы Великой Отечественной войны и работе с Сергеем Ивановичем Вавиловым.

Не обойдена стороной и тема, которая волнует исследователей, историков, читателей много лет – как получилось, что Вавилов был избран президентом Академии наук СССР, несмотря на трагическую историю осуждения и гибели его не менее известного брата, академика Николая Ивановича Вавилова.

Материалы, представленные в книге, публикуются впервые либо были опубликованы в свое время для узкого круга читателей в книге «Сергей Иванович Вавилов: новые штрихи к портрету» (авт.-сост. В. М. Березанская; Москва, 2004).

Книга будет интересна как подготовленному читателю, так и тому, кто впервые знакомится с историей и судьбой выдающегося ученого и замечательного человека, уникальной по масштабам личностью – академиком Сергеем Ивановичем Вавиловым.

Предисловие автора-составителя

Вся жизнь Сергея Ивановича Вавилова была посвящена бескорыстному служению отечественной науке. Именно осознание своей миссии – сохранение науки и культуры, а также создание условий для их развития – привело к многогранности и результативности его деятельности, несмотря на огромные трудности осуществления задуманного и обстоятельства времени, в которое он жил и работал.

Особое значение имеют идеи и предложенные С. И. Вавиловым направления исследований, которые реализовывали его ученики и последователи. Благодаря развитию таких идей появились нобелевские лауреаты И. Е. Тамм, И. М. Франк, П. А. Черенков, Н. Г. Басов, А. М. Прохоров, А. Д. Сахаров.

Даже краткое перечисление достижений Сергея Ивановича Вавилова поражает.

В 1932 г. его назначают научным руководителем Государственного оптического института (ГОИ, ныне имени С. И. Вавилова), где важным результатом его деятельности было создание отечественной оптической промышленности.

С 1934 по 1950 г. Сергей Иванович был бессменным директором Физического института АН СССР (ФИАН), который под его руководством в короткое время превратился в крупнейший, ведущий физический институт страны, а имена и работы многих сотрудников ФИАН получили мировую известность. Из подразделений ФИАН образовался целый ряд самостоятельных научных учреждений.

В 1943–1945 гг. С. И. Вавилов был уполномоченным Государственного Комитета Обороны СССР по оптической промышленности, руководил работами по созданию новых приборов для армии.

Масштабной и эффективной была его научная и организационная деятельность на посту президента Академии наук СССР (1945–1950 гг.). Благодаря ему Академия выросла и преобразилась в непростые послевоенные годы.

Много сил С. И. Вавилов отдал государственной и общественной деятельности, был депутатом Верховных Советов СССР, РСФСР и городских Советов, председателем Всесоюзного общества по распространению научных и политических знаний.

Сергей Иванович был выдающимся знатоком истории отечественной и мировой культуры. Большое внимание он уделял популяризации науки. Образцами научно-популярной литературы являются его работы «Действие света», «Глаз и солнце», «О “теплом” и “холодном” свете», «Микроструктура света».

Его интерес к истории и философии науки проявился в многочисленных статьях и книгах. Широко известны его работы, посвященные деятельности М. В. Ломоносова, Галилея, Эйлера, физике Лукреция. Монография Вавилова о Ньюtone – одна из лучших книг о нем в мировой литературе.

Сергеем Ивановичем Вавиловым опубликован ряд статей и брошюр по истории отечественной науки в советский период, а также работы по философским проблемам физики этого периода. По его инициативе был организован журнал «Вопросы философии», членом редколлегии которого он стал.

С 1949 года С. И. Вавилов был главным редактором Большой советской энциклопедии, сам редактировал статьи и просматривал гранки.

Возглавляя редакционно-издательский совет Академии наук, С. И. Вавилов улучшил и издательскую деятельность.

По предложению С. И. Вавилова основаны серии изданий «Классики науки», «Литературные памятники», «Научное наследство». Сергей Иванович был главным редактором изда-

ния «Материалы к библиографии ученых», ответственным редактором журналов «Доклады АН СССР», «Природа», «Журнал экспериментальной и теоретической физики».

Все перечисленное было бы невозможно осуществить, если бы не человеческие качества С. И. Вавилова – высокая культура, энциклопедические знания, способность создавать отзывчивые и доверительные отношения с людьми.

Такая успешная и плодотворная деятельность потребовала от С. И. Вавилова огромного физического и нравственного напряжения, особенно в обстановке тех лет и известий об аресте и смерти любимого брата Николая Ивановича Вавилова. Об этом свидетельствуют его дневники, изданные в 2012–2016 гг. Институтом истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Сердце Сергея Ивановича не выдержало – результатом стала его преждевременная смерть.

Дж. Бернал писал о С. И. Вавилове: «...проделанная им работа на пользу родины превосходит обычно выпадающую на долю одного человека. Наряду с Ломоносовым его будут считать одним из великих создателей науки в СССР».

Предлагаемые в данном издании тексты существенно дополняют биографию С. И. Вавилова, так много сделавшего для нашей страны, ее науки и культуры.

В книге использованы материалы (дневники, письма, путевые открытки, фотографии), предоставленные Институтом истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Государственным центральным театральным музеем им. А. А. Бахрушина, а также фотографии и документы из личных архивов В. М. Березанской, А. Н. Горбунова, Н. Л. Тимофеевой, С. А. Фридмана.

В.М. Березанская

Березанская В. М.
«Никто не знает, что такое я»
Неизвестные письма и путевые заметки С. И. Вавилова

«Для ясного понимания широкой перспективы нужно ясное чувство развития, никогда не следует забывать о своем прошлом».
С. И. Вавилов

«Наиболее совершенные произведения человеческого духа всегда несут на себе ясно отпечаток творца, а через него и своеобразные черты народа, страны и эпохи».
С. И. Вавилов

Введение

«С. И. Вавилов не только сам был замечательной личностью, но и его судьба, его формирование как выдающегося ученого и общественного деятеля, его необычайная эрудиция в области не только естественнонаучного, но и гуманитарного знания, подлинная интеллигентность... заслуживают особого внимания».
Е. Л. Фейнберг [1]

Сергей Иванович Вавилов – основатель Физического института им. П. Н. Лебедева Академии наук (ФИАН) и бессменный его директор до 1951 года, года его кончины, президент Академии наук СССР с 1945 г.

Замечательный физик, знаток литературы, искусства, истории, выдающийся организатор, доброжелательный и обаятельный интеллигентный человек, С. И. Вавилов всегда был моральным авторитетом для фиановцев. Старейшие сотрудники говорят о нем с величайшим почтением.

Личности масштаба С. И. Вавилова редки, трудно постижимы, их необычность и дарования вызывают неослабевающий интерес. Особенно это относится к С. И. Вавилову, всегда внешне очень сдержанному. Он избегал говорить о себе, о своих переживаниях.

Поразительно, что сегодня, спустя много лет, еще появляется возможность прикоснуться к внутреннему миру этого «застегнутого на все пуговицы» человека благодаря публикациям дневников, письмам и путевым открыткам Сергея Ивановича.

Как оказалось, свои мысли и чувства Сергей Иванович Вавилов доверял дневникам, о которых (в дневниках же) есть следующие его записи:

«Минск, 25 мая 1916 г.

Благодарю Бога за то, что веду дневник. Каждый день, на сон грядущий можно опомниться, умерить восторги и укротить печали. Жизнь каждого дня – хаотично разбросана на “экспериментальные точки”, но вот берешь лекало и проводишь между ними, этими точками, стройную кривую, хаос точек пропадает, и становится ясно и спокойно на душе. Дневник – лекало»
[4].

«Ленинград, 1 января 1946 г.

Дневники, записи вел почти непрерывно лет с 15, правда, с перерывами. Зачем? По-видимому, бессознательная попытка осуществить ...построение хеопсовой пирамиды в микромасштабе.

Сейчас это больше условный рефлекс. Привык. Польза некоторая: иногда можно на себя оглянуться. Мне скоро 55 лет. У меня большое "историческое" чувство. Всегда гляжу назад, хотя ясно вижу всю случайность человеческой истории, земли, меня самого.

Как случайный камень на дороге, свалившийся с дороги. Так комар мог бы писать историю маленькой лужи, образовавшейся после дождя. Сознаю все это, а вот все же люблю архивы, старые книги, старые вещи, воспоминания. Как будто бы это большое» [1].

«Йошкар-Ола, 14 ноября 1943 г.

...Замена убегающей памяти. Жалкий признак надежды поймать уходящее. Если книжку [дневник. – В.М.Б.] не сожгут, не выбросят, не изорвут и она дойдет до человека с душой и умом – он, наверное, кое-что поймет относительно трагедии человеческого сознания» [1].

Дневники С. И. Вавилова, даже в сокращенном варианте, потрясают. Чтение их дает ощущение общения с прекрасным светлым человеком, тонко чувствующим и воспринимающим мир, обладающим блестящим интеллектом и талантом писателя. Очень приятны его краткий, ясный стиль изложения, емкие, почти поэтические определения.

Ранние дневники (1909–1916 гг.) – это юношеские духовные искания, восторг перед природой, искусством, литературой, страстное желание служить науке. Записи последних лет (1940–1951 гг.) – страшная, глубокая внутренняя трагедия человека, ассоциирующаяся с шекспировскими.

Поводом для создания этого материала послужили найденные спустя время письма и путевые открытки, адресованные другу и соученику С. И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу Алексею Алексеевичу Темерину.



Сергей Вавилов с соучениками по Коммерческому училищу. В нижнем ряду крайний слева С. И. Вавилов, крайний справа – А. А. Темерин



А. А. Темерин в форменной одежде Коммерческого училища

Темерин А. А. (23.02.1889 – 20.08.1977) – драматический актер, художник, фотограф. По окончании Московского Коммерческого училища (1901–1909 гг.) учился в Московском университете (1909–1914 гг.) и один год в Сельскохозяйственной академии (1914 г.). В первые годы после Октябрьской революции занимался культпросветработой в школах и клубах. С детства увлекался любительскими спектаклями и с 1919 г. стал профессиональным актером. Играл в театрах под руководством: Е. Б. Вахтангова (в студии) (1920 г.), В. Э. Мейерхольда (1922(3)–1931 гг.), Н. П. Охлопкова (1931–1934 гг.), А. Я. Таирова (1938–1940 гг.), А. Д. Попова (1939–1941 гг.), в киностудиях (1941–1945 гг.), в Московском театре драмы и комедии (1945/46–1957 гг.).

Эти письма и путевые открытки относятся к 1908–1917 гг. и, соответственно, к трем этапам жизни С. И. Вавилова:

- годы учебы в Московском коммерческом училище (1901–1909 гг.);
- годы учебы на физико-математическом факультете Московского университета (1909–1914 гг.) и научной работы в Физической лаборатории П. Н. Лебедева и П. П. Лазарева (1911–1914 гг.);
- годы службы в армии (1914–1918 гг.), с августа 1914 по февраль 1918 г. – на фронтах Первой мировой войны.

Сведения о С. И. Вавиллове, которые можно почерпнуть из открыток и писем, отрывочны, и для полноты восприятия они перемежаются с уже опубликованными ранее фрагментами дневников.

«Школа настоящей культуры». 1908–1914 гг

«Я благодарен прожитым 43 годам за то, что я узнал настоящее, подлинное величие искусства. Я видел и понял Пестумские храмы, Св. Петра, Джорджоне,

Леонардо, я слышал и понял Баха, Россини, Моцарта, Бетховена, я знаю Пушкина, Гете, Тютчева, я знаю Рим и Петербург, Микеланджело и безголовую римскую Венеру. Когда вспоминаешь об этом – тихая радость и удовлетворенность, как ни от чего другого».

С. И. Вавилов (26 марта 1940 г., Барвиха) [1]

«Пусть этот мой, почти последний поклон Италии будет поклоном не искусству, а науке. Здесь, около могилы Галилея, почти клянусь делать только дело, и серьезное, то есть науку».

С. И. Вавилов (7 июля 1913 г., Флоренция) [4]

Первое, самое раннее из найденных писем, датировано 21 июля 1908 г., когда С. И. Вавилов учился в Московском Коммерческом училище. В нем описаны впечатления от поездки с учителем чистописания и рисования Иваном Евсеевичем Евсеевым в Новгород, Псков и Ригу. Именно И. Е. Евсееву обязан был Сергей Иванович своим утонченным эстетизмом и художественным вкусом. В дневниках С. И. Вавилов вспоминает: «И. Е. Евсеев был в порядочной мере душой всего училища. Ученью придавался какой-то необычный творческий стимул. О рисовании в буквальном смысле речи, конечно, не было. Была школа настоящей культуры...» [2].



Группа учащихся Коммерческого училища на экскурсии (1901–1903 гг.). Слева направо: 4-й – И. Е. Евсеев, 7-й – С. И. Вавилов, 13-й – А. А. Темерин.

И далее: «Это был редкостный человек, оказавший на меня, да и на многих основное влияние. Это был большой любитель культуры и искусства в широком смысле. Живым показом, экскурсиями в Москве, в Петербурге, в Киеве, в Ростове и других городах он раскрыл с полной ясностью и конкретностью мир искусства и старины. И. Е. Евсеев вместе с тем был идеальным педагогом, любившим учеников, существовавшим только для них. ...Я стал подлинным другом И.Е.» [2].

Кроме перечисленных в дневнике экскурсий, известны поездки Вавилова с И. Е. Евсеевым в Новгород, Ярославль, Кострому, Саратов и в Крым. С ним же он впервые посетил Италию.

Существует несколько фотографий С. И. Вавилова с учителями и товарищами по Коммерческому училищу. В результате счастливой находки автору этих строк впервые удалось идентифицировать на фотографиях И. Е. Евсеева. Листая увесистый том «Московское коммерческое училище. Сто лет жизни. 1804–1904», я увидела фотографию группы учащихся, а под ней – начерченную рукой Сергея Ивановича (книга принадлежала ему) схему расположения находящихся на фотографии людей (с фамилиями).



В Крыму (1901–1903 гг.). Внизу слева – И. Е. Евсеев. В первом ряду сидящих 3-й справа – С. И. Вавилов



На экскурсии (1901–1903 гг.)



Группа учащихся Коммерческого училища на экскурсии (1901–1903 гг.).

Слева направо в первом ряду 4-й – А. А. Темерин, во 2-м ряду 3-й – И. Е. Евсеев, 8-й – С. И. Вавилов

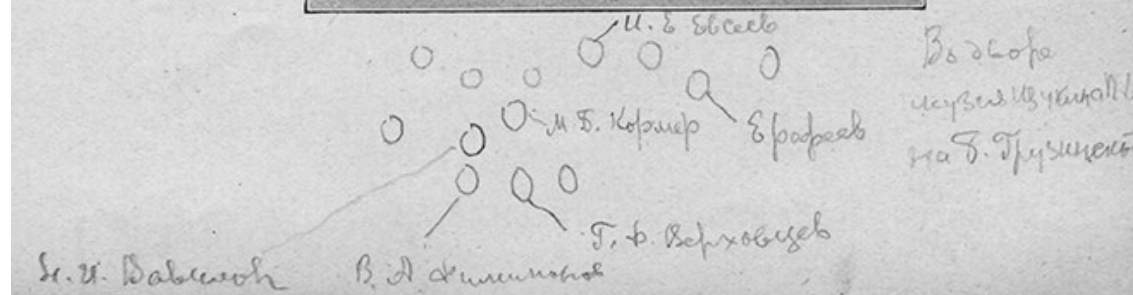


Группа экскурсантов в пути (1901–1903 гг.). Слева направо: 4-й – С. И. Вавилов, 6-й – И. Е. Евсеев



*Группа учащихся Коммерческого училища на экскурсии (1901–1903 гг.).
На крыльце в верхнем ряду слева направо: 1-й – С. И. Вавилов, 2-й – И. Е. Евсеев*

мъ всестороннее развитіе. можетъ быть, именно
А. Карелина: «Искусство, его цѣли и жизненное
рисованія въ старшихъ классахъ И. А. Але-
имъ ученикамъ, что съ слѣдующаго 1897—8 учеб-
въ ввести частныя занятія для болѣе успѣш-
о, съ осени въ
бширнаго свѣт-
, за неимѣніемъ
помѣщенія, пре-
ный классъ, гдѣ
ученики зани-
живописью. Дѣло
выходѣ И. А.
зку по болѣзни
о начала, потомъ
Евсѣевъ продол-
телями, и рекреа-
ихъ воспитанни-
усть теперь весь
ихъ старшихъ
стиль, по образ-



Фотография из книги

«Коммерческое училище. 100 лет жизни. 1804–1904». Под фотографией начерченная рукой С. И. Вавилова схема расположения находящихся на фотографии людей, среди которых Н. И. Вавилов (брат С. И. Вавилова) и И. Е. Евсеев (книга принадлежала ему). Среди них был И. Е. Евсеев



Студент Сергей Вавилов со старыми друзьями по Коммерческому училищу (1903–1914 гг.).

Вверху – А. А. Темерин, справа – Б. М. Себенцов

Необходимо упомянуть еще одного, кроме А. А. Темерина, товарища С. И. Вавилова по Коммерческому училищу, которого Сергей Иванович упоминает в ниже приведенных письмах и открытках, как «Б.М.». Это Борис Михайлович Себенцов.

В книгах о С. И. Вавилове [2, 6] приводятся отрывки из его юношеских дневников, начиная с 1913 года. ИИЕТ, опубликовавший часть дневников, объявил, что первая сохранившаяся запись в дневнике была сделана в 1909 году. Впервые публикуемое ниже письмо С. И. Вавилова к А. А. Темерину относится к 1908 году.

Леня!

Прости пожалуйста что мне не пришлось
идти с вами в музей? Как ты знаешь я
уехал с Евсеевичем в Новгород, Псков
и Ригу, предпочитая эту исключительно ин-
тересную поездку, музею, в который мы
можем ходить всегда. Съездили чудесно
во всех отношениях: и приятно и полезно.
Видели старину, о которой тебе и мечтать
не приходится, церкви XI, XII вв., дома XIII
и т. д.; Впрочем о старине расскажу как-
нибудь после, теперь скажу только два
слова об общем впечатлении от городов.
Псков и Новгород — это прежде всего
таинственно-русские города, не такие
как мы обыкновенно подразумеваем
под именем русских, т. е. французские

Письмо «21 июля 1908 г.¹

Леня!

Прости, пожалуйста, что мне не пришлось идти с вами в музей. Как ты знаешь, я уехал с Евсеевичем в Новгород, Псков и Ригу, предпочитая эту исключительно интересную поездку музею, в который мы можем ходить всегда. Съездили чудесно во всех отношениях: и приятно, и полезно. Видели старину, о которой тебе и мечтать не приходится, церкви XI, XII вв., дома XIII в. и т. д. Впрочем, о старине расскажу как-нибудь после, теперь скажу только два слова об общем впечатлении от городов.

¹ Даты на письмах и открытках указаны по старому стилю.

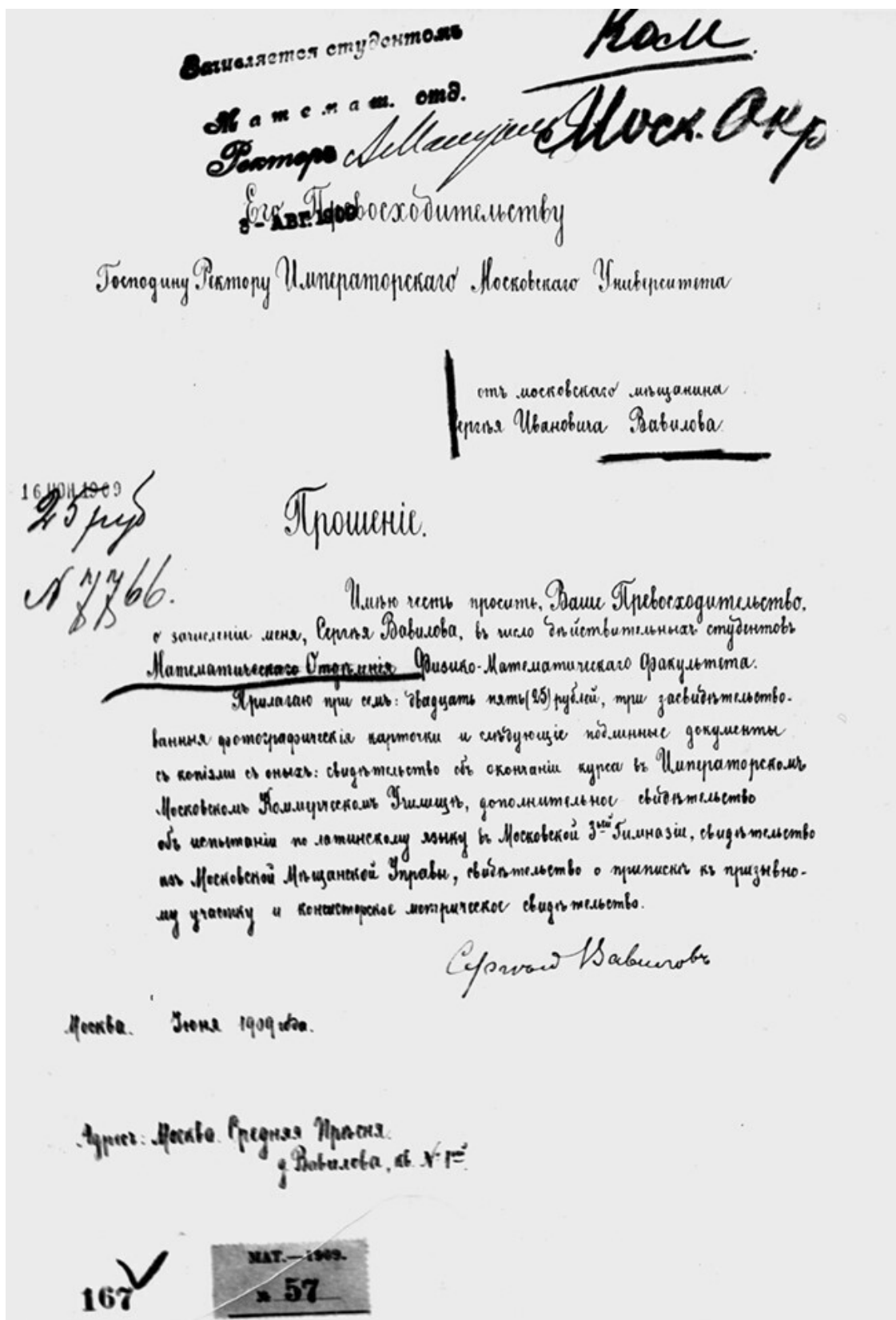
Псков и Новгород – это, прежде всего, типично русские города, не такие, какие мы обыкновенно подразумеваем под именем русских, т. е. грязные, некультурные и т. д., а русские в хорошем смысле: тихие, чистенькие, старинные, божественные. Нет в них огромных домов, электрических фонарей, цилиндров, огородов на головах и пр. “Тишь да гладь да Божья благодать” – вот, собственно, и все впечатление от этих городов. Не то – Рига. Это уже совершенная противоположность русскому. “Не русский дух, не Русью пахнет”. Это Европа: превосходные дома, замечательные мостовые, английского типа извозчики (фурманы по здешнему), немецкий язык, немецкая важность, немецкие колбасные, немецкие пивные и погребки, электричество, трамваи, стриженные бульвары – ну, прямо думаешь в Берлине. Ездили весело, не без приключений.

Если у тебя есть свободное время, то, пожалуйста, зайди ко мне (только не в воскресенье и в нечетные дни), есть много нужных дел до тебя. Всего бы лучше было, если бы ты пришел в субботу.
СВавилов» [3]²

В 1909 г. С. И. Вавилов окончил Коммерческое училище и поступил на физико-математический факультет Московского университета.

Университет переживал пору расцвета. Там преподавали Б. К. Млодзеевский, Н. Н. Лузин, Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин, В. К. Церасский, К. А. Тимирязев, Н. Д. Зелинский, И. А. Каблуков, В. И. Вернадский, Ю. В. Вульф, М. А. Мензбир. Физику представляли Н. А. Умов, А. А. Эйхенвальд, П. Н. Лебедев. Огромное влияние на С. И. Вавилова оказали доклады и лекции П. Н. Лебедева. Страстное желание и трудолюбие помогли ему осуществить мечту и попасть в специальную лабораторию П. Н. Лебедева. Руководителем его стал П. П. Лазарев.

² Сохраняется написание подписи в подлиннике.



Прошение о зачислении в Московский университет



Сергей Вавилов (во втором ряду пятый слева) с группой студентов Московского университета. В первом ряду 4-й справа – П. П. Лазарев.

Дневник «17 июля 1903 г.

Все о том же, о том, что никто на свете не знает, что такое я, да я и сам не знаю.

Ну, вот пишу я сейчас дневник, читал сегодня Достоевского, переводил с немецкого, стараюсь сохранять все приличия, каковыя общество требует, чищу ногти и пр., думаю, философствую, разрешаю проблемы, все, что культурному человеку полагается, но разве это я? Что же такое я? Это мне неизвестно. Выше самого себя не будешь или я просто еще не знаю, что же такое я.

Взял сейчас расписание университетских лекций, за которое примусь первого сентября, и почувствовал, как на бушующиеся волны льет примирительный елей – дух науки, та область упорядоченности, в которую я думаю, наконец, попаду» [4].

В сентябре 1909 г. С. И. Вавилов прослушал первую лекцию П. Н. Лебедева:

«Она была совсем не похожа на прочие университетские первые лекции, которые мы, первокурсники, жадно слушали, бегая по разным факультетам. Это были слова только ученого, а не профессора, и содержание лекций было необыкновенным. Лебедев обращался к аудитории как к возможным будущим ученым и рассказывал о том, что нужно для того, чтобы сделаться физиком-исследователем. Это оказывалось совсем нелегким делом, но в заключение следовали обнадеживающие слова: “Плох тот казак, который не хочет быть атаманом”. Образ физика-ученого и уроки первой лекции запечатлелись на всю жизнь» [5].

Дневник «21 марта 1910 г.

Я недоволен собою, я недоволен собою вообще, быть может, иногда минутами, при достижении микроскопических целей, решения задачи, перевода странички с немецкого, я бываю доволен, но всем вообще быть

довольным нет никакого основания. Этот учебный год раскрыл мне глаза на многое, чего я раньше не знал и не подозревал. Надо надеяться на усиление работы. Буду надеяться только тогда, когда что-нибудь произойдет, а пока буду просто работать. "Плыви, мой челн, по воле волн"» [4].

Дневник «20 апреля 1910 г.

Прочел шестой раз "Войну и мир". Толстого я могу назвать великим. Пушкиным, Достоевским я доволен, а Толстого читаю 6 раз, и еще буду читать. Одолеl всю математику. За последнее время я в себе вижу новые черты. У меня появилось хорошее отращение ко всяким Кантам, Авенариусам, Махам, Мережковским и пр. В области духовной меня волнует наука и искусство» [4].

Летние студенческие каникулы Сергей Иванович проводил, путешествуя по странам Европы. Четыре года подряд он ездил в Италию, посетил Австрию, Германию, Швейцарию, Францию.



П. Н. Лебедев



Студент Сергей Вавилов (1903–1914 гг.)

#

Дневник «15 июня 1910 г.

Сегодня уезжаю в Германию и Италию. Хочу поехать не с пустым сердцем, хочу пощупать руками историю, искусство жизни» [4].



Открытка «9 июля 1910 г.

Сейчас из Равенны. Город маленький, вроде Ростова. Тишь да гладь, да Божья благодать. Божьей благодати церквей – сотни.

СВавилов» [3].





Открытка «Рим, 12 июля 1910 г.

Вот тебе, Леня, папу, остригись и переходи в католики, может быть, и сам папой сделаешься. Сегодня уезжаем из Рима.

СВавилов» [3].



Открытка «Мюнхен, 16 июля 1910 г.

Живу в Мюнхене, вспоминаю незабвенного Самуила Петровича, хожу по музеям, по погребкам и т. д. Начинаю подумывать о Москве.
СВавилов» [3].

с

Дневник «27 июля 1910 г.

Вот я в Москве: минувшее проходит предо мною...
Давно ль оно неслось, событий полно...
Теперь оно бесславно и спокойно.

Я устал от этого путешествия и теперь, очутившись в Москве, за своим столом, со своими книгами, в своей кровати, я наслаждаюсь и отдыхаю» [4].

Дневник «15 августа 1910 г.

Скоро месяц, как я приехал, но мысли мои в путешествии.

Сны переносят меня куда-нибудь во Флоренцию или Мюнхен, облик каждого города выступает реально. В этом отношении я доволен, заграница произвела на меня громадное впечатление.

Приближается сентябрь с экзаменами, а главное – с новыми занятиями. Нынешний год у меня должен быть чрезвычайно важным – я должен сделаться физиком, до сих пор я им не был. Мне нужно будет читать, столько читать, а главное – переводить, что прямо голова кружится» [4].



С. И. Вавилов

#

Дневник «12 марта 1911 г.

Вчера мне исполнилось 20 лет. Третью жизни, по крайней мере, прожита. До поставленной мною задачи – “ученого” – в эти 20 лет я еще далеко не достиг, все еще в тумане, и иногда берут даже сомнения, достигну ли когда-

нибудь. Последние два года я, несомненно, поворачиваю, и даже довольно круто, кривую моей жизни. В сущности, я всегда был частью поэтом, мечтателем или ученым, философом. Это я помню отлично. Теперь задача в том, чтобы сделаться ученым всецело. Этот и будущий год для меня многое решит. Может очень многое преобразиться.

Настроен я сейчас пессимистически, но стараюсь самому себе не верить» [4].

Дневник «5 июня 1911 г.

Я сейчас нахожусь в среде, где поминутно слышу фразы об оставлении при Университете, о профессорах и пр. Я знаю только, что без науки мне одна дорога либо в литературу, либо в Ад.

Как бы хорошо сейчас освободиться от лишнего груза 20 лет бытия и оставить только физику. Я чувствую, что сделать мне едва ли по силам, я отдаюсь течению, куда оно меня вынесет» [4].

Дневник «20 июня 1911 г.

«Куда вот оно и вынесло, я еду за границу на 3 недели: для чего, никто не знает, подул ветер, и я полетел. А у меня только начало налаживаться с физикой. Посмотрим» [4].

Дневник «27 мая 1912 г.

Мой характер похож на характер героев Достоевского: почему у меня такой характер? Мне кажется, что во мне больше поэта, чем научного характера. У меня талант сомневаться в том, в чем совершенно нельзя сомневаться. Я уезжаю в третий раз за границу. Посмотрим, что я там увижу. Мои экзамены я сдал не очень здорово, но достаточно хорошо, и почитаю на лаврах» [4].





Открытка «Париж, 29 июня 1911 г.
Живу сейчас в Париже. Париж раз в 5 больше, да раз в 20 шумнее, чем Берлин, так что
впечатление сильное.
СВавилов» [3].





Открытка из Флоренции «23 июня 1912 г.

Dear Алексей Алексеевич!

Путешествие наше подвигается. Идет пока все как по маслу.

Б.М. вошел во вкус и увлекся Боттичелли, Микел Анджело, Кьянти и Джелатти и пр.

Завтра или после завтра едем в Рим.

СВавилов» [3].



Открытка «Милан, 28 июля 1912 г.

Покидаем завтра Италию, все, что надо, видели и высмотрели и, как заверяет Б.М., «не станет ни умения пересказать тебе, ни сил». Из Неаполя в Геную ехали 2 дня морем, приятно и спокойно.

Дня через два тронемся, вероятно, по Рейну, а недели через 2 будем, если на то будет соизволение судеб, в Москве.

С Вавилова» [3].

с

Дневник «3 февраля 1913 г.

Дом наш опустел. Николай отъезжает, Лидия Ивановна стала мадам Макарова, А.И. уехала³. Отца редко видно. Я с матерью остался. Тишина и одиночество. Во всяком одиночестве есть доля скуки, печали и благородства. “Ты царь, живи один”. Быть одним – это высшее благородство и высшая печаль. У меня друзей кроме книг нет. По себе я человека не нахожу, думаю, найдется» [4].

В 1919 году С. И. Вавилов посещает пушкинские места.

Дневник «2 июня 1919 г.

Троицын день... Ехали сегодня на дребезжащей, безрессорной таратайке, подвергаясь истинным мукам, чтобы поклониться великому праху. Поклонился, как хорошо. Чудный, необыкновенный для России пейзаж Святых Гор, старая могучая церковь новгородской архитектуры, и рядом под прекрасным большим памятником почивают останки поэта. Закатное солнце, грозно выглядывая из-за туч, озаряет мрамор памятника. Величественно и грустно. На уме пушкинские фразы, пушкинские слова...

Для меня Пушкин – вечная надежда.

“Когда я буду погибать”, я, быть может, одной рукой схвачусь за Евангелие, другой, несомненно, за творение Пушкина. Какая сила в этих кристально твердых и прозрачных стихах. Сила магическая, беспрекословная и несомненная. Пушкину я верю, и Пушкина я люблю» [6].

Дневник «3 июня 1913 г.

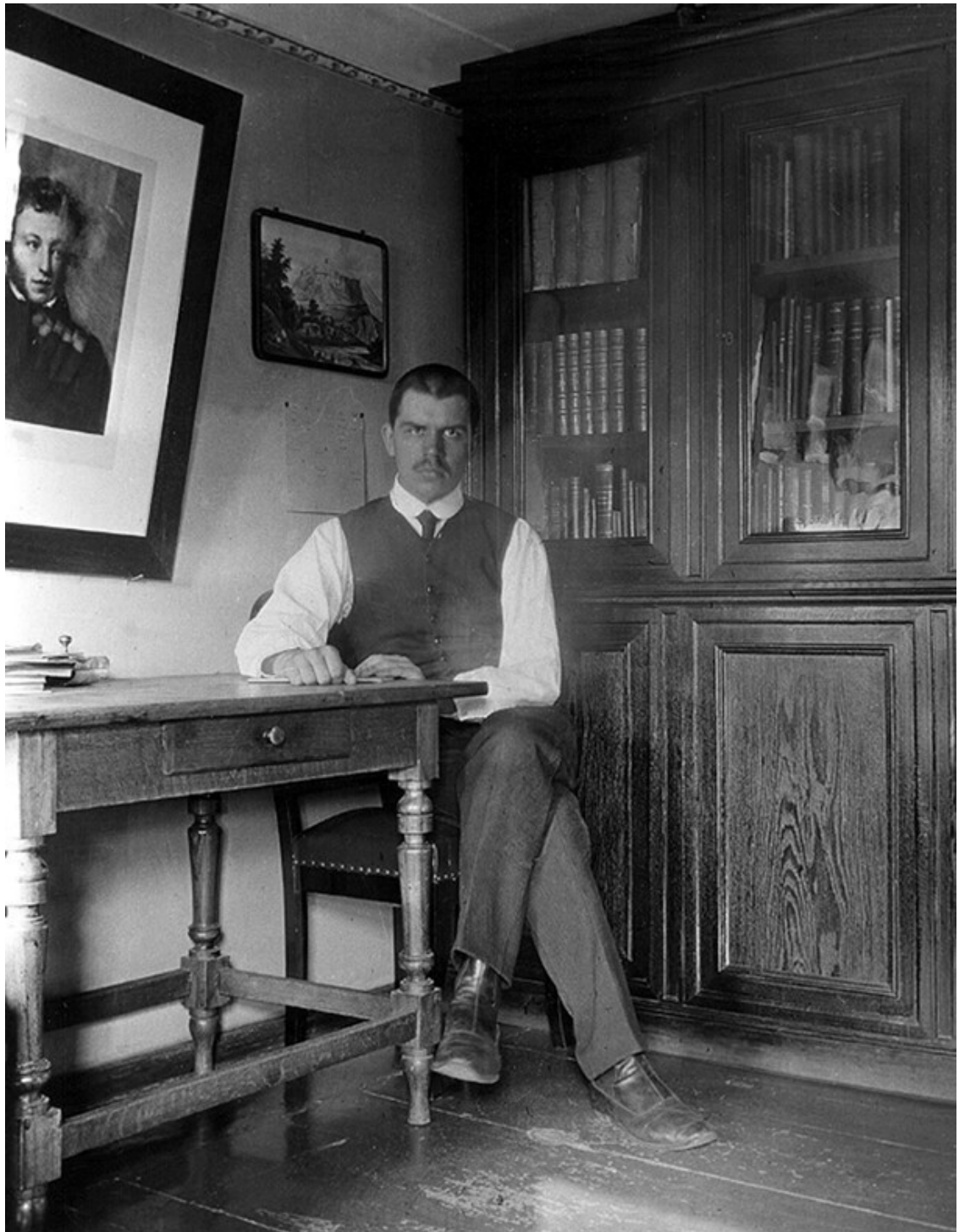
Был в Михайловском и Тригорском, у источников пушкинской лиры. Пушкин стал мне родным, это не Гете и Шекспир, это дорогой Александр Сергеевич. Знаю, что все преувеличено, но Пушкина люблю, его фразы стали законом.

Кругом обычная чепуха, “престарелые” в усадьбе вечно юного Пушкина... разодетые аптекариши и трактирицы и рядом святая святых русской красоты и духа – Пушкин» [6].

Дневник «5 июня, в поезде

*Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел» [6].*

³ Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – старший брат, Вавиловы Лидия Ивановна и Александра Ивановна – сестры С. И. Вавилова.



С. И. Вавилов в доме на Пресне

Вскоре после посещения пушкинских мест С. И. Вавилов опять отправляется за границу.

Дневник «25 июня 1913 г.

Иду в тучах и под тучами. В тучах только сыро, дождика почти нет.

*Малахитовые скалы,
Снежные поля,
Тучи, пропасти, провалы,
Голая земля.*

*И себя я здесь Адамом
Вновь почувствовать готов,
Сбросить груз гнилых оков
И природы дивным храмом
Восхищен...*

Шел я сегодня почти 6 часов... Там начался снег. Чувствовал себя [как] в декабре, руки и ноги мерзнут, глаза слепит. Даже стадо, напуганное снегом, собралось на дороге. Остановился в гостинице. Страна уже полуитальянская. По-немецки понимаю плохо и говорят на каком-то энгадинском наречии, помесь французского, немецкого и итальянского. Дождь льет, картина тоскливая» [6].

Дневник «27 июня 1913 г.

Ну вот я и в Италии. Сижу в какой-то полуразбойничьей [гостинице], куда меня нелегкая занесла взять комнату. В комнате висят старые гравюры, иллюстрации к байронскому Мазепе с подписями на французском и, кажется, итальянском языках... Ну и переход же сегодня я сделал, больше 8 часов, на ногах, кажется, нет ни одного вершика в порядке, все гудит и поет» [6].

Дневник «Милан, 23 июня 1913 г.

Сегодня день тоже довольно пестрый... Утром ходил по [городу], смотрел собор, помесь всех стилей от 8 до 18 веков⁴: поразительного и гениального в нем, пожалуй, и нет, но есть интересность. Посмотрел на памятник Вольты⁵, несчастный опирается на свой столб (похожий на стопку блинов), нет, на тросточку, и изображен каким-то древним римлянином» [6].

⁴ Грандиозный беломраморный Миланский собор был начат в 1386 году в стиле готики и строился по XIX век с вторжением других стилей.

⁵ Вольта Алессандро (1745–1827) – итальянский физик и физиолог. В 1799 году изобрел так называемый «вольтов столб» – первый источник длительного постоянного тока.



Сергей Вавилов в Италии (1913 г.)

#

Дневник «30 июня 1913 г.

Чем меньше музеев, тем меньше в нем предметов, тем продуктивнее его посещение. Да, впрочем, пора бы мне, может, и плюнуть совсем на картины и заняться физикой. Там единственно несомненное, важное, серьезное и святое и интересное» [6].

Дневник «Верона, 2 июля 1913 г.

Я сидел в верхнем ряду, один, наверху сияла почти вечная луна, внизу расстился грозными силуэтами город, а подо мной лежала громадная воронка арены с горсточкой народа, на громадной арене самой выделили маленький кружочек для представления.

О, античное! Как оно было колоссально и умно. Весь прогресс был вчера здесь на арене, от тоги или туники до фрака. Остальное еще мельче и несчастнее» [6].

Дневник «3 июля 1913 г.

Верона с высоты арены мне предстала в проекции времени.

Меньше всего на свете меняются люди; меняются одежда и дома, но люди совершенно те же. Готизм, классицизм, барокко – вот оно, искусство, и как далеко оно от величавой простоты и силы науки; в ней нет ни стиля, ни времени. Классическая наука, безусловно, ниже науки современной. О чем другом можно это сказать, кроме науки? Формы жизни, то есть искусства, не прогрессируют, только наука вечно несется.

Это все по тому поводу, что, несмотря на весь свой архаизм, Верона современна. И пусть фрески XII века выглядывают из-под фресок XV века, пусть стоят грозные памятники Скалигеров, мосты и башни – все это

было, и все это будет. Я не могу увлечься наукой Аристотеля, но я люблю и увлекаюсь венецианцами Беллини, Джорджоне и пр., и уже потому они современны» [6].



В Италии. 1913 г.

#

Дневник «Венеция, 5 июля 1913 г.

Опять я в этом диковинном городе парадоксов. В прошлом году он был прямо логической основой моему эстетизму. Раз есть такое место на земле, чистый эстетизм возможен и мне нужен.

“Теперь уж я не тот”, но чудо вновь покоряет, вновь грация и лень Венеции протягивают за мною свою руку. Даже в дождь, как в сказке. Какое-

то заколдованное место. Роскошная, сладкая, нахальная и красивая Венеция» [6].

Дневник «Венеция, 7 июля 1913 г.

Я пока ничего не сделал... и сделаю ли я хоть что-нибудь, не ходячая ли я драма? Мое горе, что и самого себя я не знаю. Я – человек науки и, право же, для настоящей жизни не способный.

Всякие гадости на меня как на Макара валятся. Скорее всего, несмотря на всю мою антипатию к философии, я философ. Вообще-то я уравнение неопределенное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.